СТАНИСЛАВ
ШУЛЬГА

ДИСПЕТЧЕР АТАКИ

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Недалекое будущее. Земля. Интернет уступил место ВИРТУАЛЬНОМУ МИРУ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ – Cyber Globe. Неограниченные возможности для пользователей? Трижды неограниченные возможности – для ХАКЕРОВ! Не помогают НИКАКИЕ средства защиты от несанкционированного доступа – ни мобильные сети Магистрали, ни даже адаптеры прямого подключения к мозгу... Наступает время ГЕЙТКИПЕРОВ – “кибersамураев”. Они обладают УНИКАЛЬНЫМИ НАВЫКАМИ работы в виртуале. За хорошую цену они готовы раскрыть ЛЮБОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, совершенное в Cyber Globe. За отдельную плату они схлестнутся и ДРУГ с ДРУГОМ! Поклонники техно-фантастики! Не пропустите! Второй рассказ из цикла. В который так же вошли «Диспетчер Атаки» «Конус Тишины» «Поздний ноябрь 2.0.1.2» «Декодер».

- Станислав Шульга
  - ○

Станислав Шульга

Медный гвоздь

Он хотел подремать еще пару часов, но сквозняк из плохо прикрытого окна вытащил его из-под одеяла. Петр присел на кровати, покачал головой, оглядывая комнату мотеля. Рядом на столике лежал кожаный органайзер с документами, деньгами и кредитками, связка ключей и карта от комнаты с большим красивым брелком в виде бочонка пива. Надев джинсы и черную футболку, Петр босиком протопал в ванную. Одноразовая зубная щетка, пакет с таким же разовым туалетным набором, выглаженное белое полотенце. Он открыл кран с холодной водой.

За окном, в сырых утренних сумерках, северный ветер раскачивал старый сосновый лес.

Вчерашним вечером ветер приволок ливень. Сегодня небо было чисто, но холодные порывы принесли слабый запах гари. В двадцати километрах отсюда горели леса.

На стоянке, кроме его супервана, были припаркованы два спортивных Mitsubishi. Молодая пара голландцев приехала в этот придорожный кэмп на несколько минут позже него. Пока старик-хозяин в зеленом комбинезоне прокатывал платиновый Master-Card и записывал его в гостиничный лист, они целовались чуть поодаль, держа в руках раскрашенные граффити шлемы. Петр подошел к своему «Ирокезу» и оглядел борт. Вчера он думал срезать полкилометра и выехал на не обозначенную нигде грунтовку. Борт был заляпан грязью до дверной ручки. Тумбообразный дроид-механик сиротливо стоял у закрытой двери в гараж. Порыв ветра полоснул по лицу придорожной пылью. Петр провел пальцем по грязному борту и открыл дверь.

Ключ от комнаты с брелком в виде пивного бочонка он оставил висеть на стальном замке стоянки.

Трехосный «Ирокез» покатил в сторону выезда на трассу.

– Восемь один здесь, повторяю, восемь один здесь… Девятый корд здесь… Восемь один, восемь один… Ответьте… – Восемь один здесь, Марк, ты уже не спишь? – Я еще не сплю. Петя, в

офисе сказали, что ты выкатываешься. – Correcto mundo, ка-девять… – Тогда когда ты снимешь свой рефлект из вахтового реестра? – Я думал, ты еще спишь, ка-девять. В соответствии с процедурой, в полдень… – Lucky fucker… – Стив, это ты? – Чьетыре три… Не есть хорошо, Петр, вахта заканчивается, ящик пива не ставить, водка не ставить – Сорок третий, что у тебя с переводчиком? – Я сам переводчик… – Ты сам не переводчик, ты дятел. Включи переводчик – Ка-девьять, Марк, что это был? – Ребята, хватит трепаться в эфире. Петр, я вычеркиваю тебя сейчас, у меня перегон был ночной, я поспать хочу… – Добро, Марк – Ньет, не добро…– Четыре три, чего тебе надо? – Carlsberg ему нужен, десять один здесь – Ооо…, нашего полку прибыло. – Восемь один, давай координаты… – Десять один, это ты, Леша, ты сейчас где? – Посмотри на монитор, восемь один, дистанция двадцать, иду параллельно. – Где планируешь быть вечером? – Ка-девять здесь, Петя, мы договорились. Ка-девять, конец связи…– Алексий, я хотьел бы… – Eight one is here. Who gives a shit what you wanted?…

Одиноко торчавшие дорожные знаки были похожи на пугала посреди незасеянного поля. Месяца через два-три здесь будет жарче, к побережью потянутся семейные трейлеры, серферы, туристические автобусы. Пока же двухполосная трасса была пустынна.

На девушке был длинный кожаный плащ, черный пуловер, темно-синие джинсы и сапоги на широких каблуках. «Копыта», ретро опять входит в моду. Обычного в этих случаях плаката в руках, на котором толстым фломастером небрежно писали следующую станцию назначения, не было. Девушка просто стояла на обочине, вытянув правую руку.

Когда Петр притормаживал, он думал, что берет на борт студентку лет двадцати двух-двадцати трех. Когда она села в машину, стало ясно, что ей еще нет двадцати. Агрессивный кожаный прикид и большая дорожная сумка с одной лямкой прибавляли ей лет пять-шесть. Рыжие волосы, темно-бордовые губы, очень бледное лицо, не подведенные голубые глаза. Уши были густо увешаны стальными кольцами, но этот плотный пирсинг был еще и маскировкой – по крайней мере три из более чем десятка колец были выходами имплантированных в мозг нейроадаптеров. Пока девушка взбиралась на кожаное сидение, Петр отключил Motorol'у.

– Фленсбург?

Он молча кивнул.

Девушка вытащила из кармана скомканную купюру в

пятьдесят евро и кинула на бардачок. Не спрашивая разрешения, сняла плащ и бросила на заднее сиденье. Затем, порывшись в необъятных размеров мешке, извлекла отделанный по бокам темно-зеленным нефритом лэптоп. Почти антиквариат. Одна из первых моделей Гуччи, символ вторжения высокой моды в сферу компьютерного дизайна. Эта форма меняла кремниевое содержание раз шесть, не меньше, но ее стоимость с временем только увеличивалась. Новые «камни» и новые «мозги» все в той же элегантной упаковке.

У нее были «стекла» «Премиум-IV». Она вытащила их из небольшого черного кожаного футляра вместе с тонкими шнурами тродов. Чилийская медь в шелковой обертке, покрытой тонкой вышивкой. Последний писк моды – для тех, кто сутками не вылезает из рефлектов кафе в кластерах Шельфа. Четыре сотни, не меньше. Троды нашли свое место в разъемах среди колец на ушах, она резко откинулась на сиденье. Экран компьютера не погас, исчез только звук, а ее отрывистые реплики звучали слишком резко. Это была какая-то жуткая смесь немецкого и английского технического жаргона. Она говорила громко и, когда переходила на русский, казалось, командовала кем-то по ту сторону монитора. Петр сделал музыку громче.

Минут через десять она стянула с глаз «стекла» и погасила экран.

Петр обернулся и спросил.

– Как тебя зовут?

– Анна.

– А меня Петр. К кому едешь, Анна?

Девушка смотрела в окно. Кажется, вопросы интересовали ее не больше, чем номер промчавшегося мимо белого крюкаба. Со знакомством не получалось. Петр выдержал паузу, после чего деликатно кашлянул. Ноль внимания. «Н-да…». Он щелкнул переключателем и крепче ухватился за руль.

Из динамика вибрировали цеппы.

Она вытащила трод из уха и повернулась в его сторону.

– Извини, ты что-то спросил?

– Ты едешь во Фленсбург, город небольшой, но заблудиться можно. Я мог бы подбросить…

– Пока не знаю, может быть, – она продолжала о чем-то думать. – Что играет?

– Led Zeppelin.

– Что это такое?

– Белый блюз, начало семидесятых.

– Старье какое. Никогда раньше их не слушала.

Не отрывая взгляд от дороги, Петр наклонил голову. Он

хотел что-то сказать, но ее лэптоп снова запищал.

На экране появилась физиономия парня в очках, который громко поприветствовал ее на русском. Девушка помахала ему рукой и сделала какой-то знак, понятный им обоим. Парень кивнул в ответ, и они, не отключая видео-режима, перешли в чат.

Петр бросил взгляд на монитор. Беспорядочная шевелюра, глубоко посаженные карие глаза, двухдневная щетина на подбородке… У него была хорошая память на лица, и это лицо он узнал сразу.

Паром отчаливал, заворачивая по длинной дуге в сторону востока. Многоэтажная стальная конструкция оставляла за собой след взбаламученной воды, сотни мелких водоворотов и белую пену.

– У меня есть для Вас работа, Питер.

Петра забавляла эта привычка Брахмана. Датчанин неплохо говорил по-русски. Настолько неплохо, что его акцент казался скорее особенностью личного произношения. Но подчеркнутое произнесение славянских имен на западный лад ставила все на свои места. И это вечное «Вы», даже с теми, кого он знал не один год.

Они стояли на корме парома, потягивая баночный Tyborg. На Брахмане было дорогое алеминовое пальто, последний писк деловой европейской моды, и темно-красный шарф. Бриз сдувал с него запах Shico, запах, по которому в офисных джунглях Гамбурга и Франкфурта суетливые подчиненные искали топ-менеджеров. Через пару часов старый лис сменит обличье. А пока он выглядел как жрец, вернувшийся с богослужения с тарелкой, полной пожертвований.

Солнце шло к закату. Петр не спрашивал Брахмана о деле. Хайкорд обычно размякал после четвертой банки, торопить его не стоило. Он не любил спешки. Всему свое время.

Чуть позже они спустились на грузовую палубу.

Брахман открыл бардачок своего супервана и вынул три диска в одинаковых пластиковых коробках.

– Личные данные. Внешность. Психологический портрет, карта эволюции сознания, биография, семейный фотоальбом, любимые места в родном городе, история болезни, отзывы друзей, учителей и родителей и так далее. – Он взял следующий диск. – Электрическая история. Апартаменты в Сайберглобе, любимые кластеры Шельфа и Области, личный рефлект, архив переписки. Дневник. Бот-гид в Сайберглобе. Разработки для Fiakom Inc, Jutell, Hauro Corp. Несколько статей в специализированных изданиях. – Он отложил второй диск в

сторону. – Дайс. Питер, вы работали с плотностью больше пятисот плоскостей?

– Да.

– Сколько внутренних двигателей?

– До тридцати.

– Хорошо. Если будут проблемы со слепком, свяжитесь с Николавским. Работа должна быть сделана через месяц.

– Не слишком много времени.

– Питер, его нужно сделать. Это срочная работа.

Петр вскрыл конверт и вытащил несколько фотографий.

Беспорядочная шевелюра, глубоко посаженные карие глаза, двухдневная щетина на подбородке.

На горизонте замаячил автоматический заправочный комплекс и нечто, напоминающее кафе. В животе заурчало – он уехал из кэмпа, не позавтракав.

– Ты не хочешь перекусить?

– Ммм… – она жевала шоколад, не отрываясь от компьютера. – Если будут пироги с яблоками – возьми пару.

– Добро.

Он захлопнул дверь и нажал кнопку на брелке, включавшем блокиратор двигателя.

Сервисный болван-заправщик подкатил к «Ирокезу». Петр прокатал кредитку по верхней панели, дал команду на полный бак.

В кафе было пусто, девушка у стойки смотрела утренние новости CNN.

– Два бургера, большая картошка, стакан спрайта и кофе без сахара.

Официантка, улыбнувшись, пошла выполнять заказ. Петр сел за столик. Переливы звонка мобильного телефона оторвали его от изучения пейзажа за окном.

– Петя?

– Привет, Вацлав.

– Петя, это ты, или кто-то шалит с рефлектом твоего «Ирокеза»?

– О чем ты?

– Что она делает в твоей машине?

– Рыжее каре, гайки в ушах, русский со слабым американским акцентом. Так это она, я не ошибся?

– Петя, кончай шутить, что она делает в твоей машине?

– Ей нужно во Фленсбург.

– Ты что, опять вошел в игру?

– Нет, она тормознула меня на трассе.

– Не понял, вы что, договорились о встрече?

– Нет, она стояла на обочине и махала рукой, откуда я знал, кто она такая?

– Ты хочешь сказать, что просто случайно подцепил ее на трассе?

– Так и есть.

– Матка бозка…

– А что, возникла проблема?

– Она опять выбралась из-под колпака.

– Она делает это каждый месяц.

– Через полмесяца ей будет восемнадцать. Где она шлялась всю последнюю неделю, пока непонятно. В кластерах Карелина творится черт знает что. И тут она выходит на связь из твоей машины. Я думал, преторы что-то переиграли без меня. Так ты говоришь, это случайность?

– Да. Весело, правда?

– Пока наши орнитологи не вычислят ее маршрут, мне весело не будет.

– В чем дело?

– Я уже сказал – через две недели ей исполняется восемнадцать. Сам понимаешь… Фленсбург?

– Это три часа чистого времени. Я думаю, ей не исполнится восемнадцать за это время.

Официантка принесла завтрак.

– Петя, на всякий случай – держи микрофон в ухе. Птичку контролируют Фидлер и Крюг. Ребята будут время от времени выходить на связь, так что не дергайся.

– Лады, Вацлав.

– Слушай, а чего ты вообще взял ее на борт? Hombat'у это не понравится.

– Я схожу с Магистрали.

– Oh, lucky you…

– И потом я не понимаю чего ты волнуешься.

– Ну, возможны любые последствия…

– Да? После всего того, что мы сделали, по моему, уже мало чего возможно.

– Ты всегда был оптимистом…

– Не всегда и не оптимистом.

– Ладно. Но если что…

– Если что, то отвечать буду я. Вопрос снят?

– Хорошо, – голос Вацлава прозвучал слегка утомленным. – Пятый претор, конец связи.

Петр добил завтрак и вышел из кафетерия.

Его попутчица по-прежнему была углублена в общение с кем-то по ту сторону активной матрицы.

– Клерк, это Фидлер. Heaven Control Group. Подробного брифинга не будет, но кое-что тебе знать следует. Последние шесть месяцев мисс Мортон очень активно общалась с хакерским кланом [Module9]. Практически сразу же после того, как она исчезла из поля зрения, начались атаки на кластеры Karelin Son в Европе. Коммуникационные отделы, полный катаут. Работа чистая и быстрая. Сейчас мы контролируем ее исходящие. Она по-прежнему считает главной целью Карелина-младшего. Но все равно, поводов расслабляться пока еще нет. От юной мисс можно ждать любых осложнений.

Она лгала. Ее звали не Анна. Ее звали Эрика Мортон. Дочь Владимира Карелина и Кристины Мортон, американки шведского происхождения. Русский лесоторговец был из тех, кто сделал себе состояние в начале девяностых и сумел пробиться в высшую лигу мирового бизнеса. К моменту встречи с Кристиной он, уже гражданин Соединенных Штатов, владел приличным состоянием, бизнес его шел в гору. Брак по любви подарил ему троих дочерей: Энджел, Маргарет и Эрику. Девочки были очень разные. Не останавливающаяся ни на минуту Эрика и углубленная в себя Маргарет часто ссорились, пока были маленькие. Но когда появлялась старшая, Энджел, в детской воцарялся мир – она со всеми умела находить общий язык. Врожденная коммуникабельность плюс доброжелательность делала ее почти миротворцем.

Работать Энждл начала рано. Карелин-старший, купивший диплом уже после того, как заработал первый миллион, считал пять лет на стационаре «глупством и дураковалаянием» и приветствовал совмещение образования и «настоящего дела». Карьера ее развивалась более чем успешно. За полтора года она проскочила несколько степеней в иерархии одной из отцовских фирм и заняла одну из ключевых позиций в отделе контрактов. В ее ведении были договора с юго-восточными партнерами, где такт и умение вести себя подобающим образом играли едва ли не главную роль. Она умела «улаживать дела». Еще Энджл неплохо рисовала акварелью, каталась на горных лыжах и вела активную переписку с тремя десятками друзей по всему миру, причем с большинством из них она познакомилась во время рейдов по «разговорным» кластерам Си-Джея.

Она погибла, когда Эрике было пятнадцать. На трассе Марсель-Париж случилась одна из крупнейших в том году автомобильных катастроф. Рейсовый пассажирский автобус столкнулся с дальнобойным траком, шедшим по встречной

полосе. В течение двадцати минут мчавшиеся за ними машины, сминая капоты и багажники друг друга, сжимались в гармошку из железа и пластика. Ее спортивный «Мерседес» был одним из первых в этой мясорубке.

Для Эрики это было концом детства.

Петр читал ее досье. От отца девушка унаследовала аналитический ум, темперамент и склонность к авантюрам. От матери – упорство в достижении целей и длинные светлые волосы. После смерти сестры Эрика в первый раз сбежала в Стокгольм, где сделала короткое каре и выкрасила волосы в темно-красный цвет. Впрочем, сбегала она не для того, чтобы найти салон подороже. В одном из личных сейфов особняка в Седермальме Энджел Мортон хранила свой генетический материал. Особняк принадлежал их матери, но только Эрика знала, в каком тайнике сестра спрятала образцы своей крови и тканей.

Ее нашли и вернули домой. Семейный совет был долгим и шумным. Вопрос о восстановлении Энджел не обсуждался. Православные, как и протестанты, не одобряли подобные операции. Поэтому ни отец, ни мать не поддержали предложения Эрики об использовании генетического материала. Тема была закрыта. Эрику отправили в долгий круиз по Средиземноморью. Ее потеряли в Марселе и опять нашли на выезде из аэропорта Руасси. Но побеги из-под домашнего ареста продолжались.

– Кое-кто интересуется, что было в сейфах стокгольмского особняка. Кто-то всерьез беспокоится о том, что существует генетический материал Энджел. Восстановление биологической основы, потом – личности, затем – юридических прав… Это может привести к неожиданному обороту дел. По европейскому законодательству, клон может быть восстановлен в правах, если хотя бы один из родителей признает в клоне личность. По американскому – если это сделают двое близких родственников. Она может сделать это и в Европе, и в Штатах. Карелин…

– Так этот «кто-то» не сам Карелин?

– Это другой Карелин. Василий, сын от первого брака. Старику все равно, он не придает большого значения всем этим играм с генетикой и бустерскими технологиями. Отношения сестер и Василия никогда не были особенно теплыми. С Энджел он соперничал, Эрику за глаза называет придурковатой соплячкой. Возврат Энджел с того света приведет к войне. Шестьсот миллионов долларов, которые старик предназначил Энджел в завещании, – это не просто цифра. Это пять процентов акций Iridium-II, нескольких монокристаллических заводов на

Западном побережье и лесопилок на Енисее. Стоимость всего этого, в особенности, если речь идет о стволах Iridium'а, может возрасти в ближайшие несколько лет на десять-пятнадцать процентов.

– Старик может перекроить завещание?

– Неизвестно. Василий подстраховывается. К шатаниям Эрики по хакерским кафе он относится настороженно. Ему известно, что она пытается установить связи с ребятами с хак-сцены и тусуется с уличными кланами, учится работать с соответствующим пэо. Когда ей исполнится восемнадцать, она получит право на инициацию восстановления. Кто знает, может, у нее хватит денег и на то, чтобы восстановить психическую структуру клона.

– Понятно. И основная цель протокола?

– По данным Карелина-младшего, существуют три компактных контейнера, в которых хранится материал. Ему нужно узнать, где они находятся. Проблема в том, что Эрика научилась стряхивать с себя любых «жуков». Юная леди постоянно меняет места дислокации контейнеров, уходит от охраны, приставленной отцом, от сыщиков Василия, от спутникового слежения. Мисс Мортон практически не общается со старым кругом знакомых, все ее новые приятели – это студенты, ребята с окраин. Никто из них не станет стучать на нее. Нужен тот, кто сможет, пусть и с задержкой, информировать основную группу о ее местоположении.

– Василий что, не хочет купить весь пакет услуг?

– Мы уговорили его только на то, чтобы слежка велась с наших спутников. Наземную часть берет на себя его отдел. За вами – тот, кто будет нашим «маяком» в деле поисков сбежавшей мисс Мортон.

– Что получает клан?

– Карелин заключил сделку с преторами консорциума, но клан будет иметь сорок процентов от гонорара. Выплаты идут за каждый обнаруженный контейнер с материалом. По десять миллионов за каждый термос.

– Почему бы ей не спрятать контейнеры в Лозанне?

– В Лозанне не дают ящик и ключ от него, если тебе меньше восемнадцати. Как и во всех других подобных местах. Вы что, забыли об этом, Питер? Я думаю, Василий опасается такого варианта больше всего. Если какой-то из термосов исчезнет в швейцарских сейфах, ему не помогут никакие деньги. В нашем распоряжении чуть больше года.

– А что с Маргарет?

– Она боится Василия. Вначале поддерживала всю эту затею с регенерацией, но потом имела не очень приятный разговор со

сводным братом. Сейчас Маргарет учится в колледже в Беркли и приезжает в Европу на каникулы и семейные праздники. Она без восторга воспринимает новую компанию Эрики. Последние полгода они практически прекратили контакты. Можно сказать, что Маргарет, так же, как и родители, в этой игре не участвует…

Паром походил к пристани.

– Я думаю, Вам стоит вернуться в свой автомобиль, Питер. Договорим на берегу.

Рядом с суперваном Петра гудели дизелями несколько дальнобойных траков с чешскими номерами. На светофоре зажегся зеленый. Ворота парома заскрипели, из стального чрева начали выезжать десятки легковых автомобилей, грузовики, автобусы и темно-зеленые вагоны нескольких ночных поездов.

– Это Фидлер. Есть новости. Парни из [Module9] будут прессовать Карелина вирусами до самого дня ее рождения. «Быки» надавили на Лемура. Судя по тому, что он рассказал, следующие две недели она будет двигаться на юг, а парни – методично отсекать связь. Во Фленсбурге ее ждут. Кто – мы пока не знаем. Есть информация о том, что мисс Мортон собирается сделать цифровую копию ДНК. Дементьев сказал, что кто-то открыл ей крупный кредит, который может покрыть расходы на три гига очень плотного слепка. Аналитики сейчас просчитывают возможные варианты. Как только что-то будет, я позвоню.

Они стояли на берегу, перед той развилкой, где главная трасса уходила в сторону от фьорда.

– Юная леди хочет познакомиться с крутым парнем? Так надо дать ей то, чего она хочет. – Брахман взял в руку пригоршню мелкой гальки. – Мотающийся по трассе волк-одиночка, сплевывающий сквозь зубы при разговоре с клиентом. Каждый день уходит от погони – то от техников Холма, то от конкурентов. Живет в дешевых мотелях, трахает официанток, дерется с дальнобойщиками. Пользователь альтернативной сети. Маргинал, живущий по ту сторону реальности. Вся та чушь, которую тиражирует сейчас Голливуд и желтые газеты. Конечно, не настолько примитивная.

– Цель всего этого?

– Подцель, а возможно, и ключ к решению главной задачи – убрать ее с улицы. Эрика одержима идеей возвратить Энджел с того света. Поэтому она ищет выходы на серьезных людей, как на хакерской, так и на нашей сцене. Кое-какие успехи у нее уже есть. Но девочке ее круга совсем не обязательно знать исходники Decad'ы или тонкости в обращении с железяками. Ее надо вернуть

в дорогие клубы. Юная леди снова начнет носить хорошую одежду, общаться с подобными себе. И больше не будет изучать руководства пользователя по MindScape. Для этого нам нужен наездник с Магистрали, почти ее ровесник, который расскажет ей о всех прелестях жизни на дороге.

– Понятно. Права на использование памяти утрясены?

– Да.

– С кем?

– С родными.

– Почему?

– Господин Сергей уже два года, как покоится с миром. Слишком много пива «Балтика №7» и слишком неосторожное катание на лодке. Из пятерых, катавшихся в тот день по озеру в парке города Павловска, двое утонули. Это действительно очень грустная история.

– Почему мертвец, Нильс?

– Перестраховка. Если ей придет в голову просветить рефлект, то лучше, если она найдет реальную память, а не что-нибудь, что обычно делают кукольники.

– Реал заканчивается на цифре двадцать два. По легенде ему двадцать пять. Где я возьму еще три года?

– Снимете с себя. Немного фантазии, немного ножниц. Я не думаю, что она сможет разглядеть шов, если его сделаете Вы.

До этого Петр работал с подобными делами два раза. Оба заказа были слиты Тумосу и, как он понял позже, были пробными работами. Оба раза это были старые люди, далеко за семьдесят, скромные обыватели, жившие тихо и так же тихо умершие. Раньше в гостиных и спальнях оставались портреты умерших близких и фотоальбомы. Теперь родственники заказывали разговаривающие копии тех, кто отошел в мир иной. Запустив компьютер и подключившись к кластеру того же Тумоса, можно было понаблюдать за жизнью того, кто ушел, но по-прежнему был дорог.

В кэмпе на обочине трассы Е-81 Петр провел несколько дней, вспоминая ошибки и удачи десятилетней давности. Сергея Дементьева уже не было. Его жизнь в реале закончилась на цифре двадцать два. То, что могло случиться дальше, так и не случилось, это был чистый лист бумаги, на котором можно было написать все, что угодно: первый оглушительный успех, первую крупную неудачу, первую настоящую любовь. Или размеренную обыденность жизни в кредит.

Ужиная крепким кофе и покидая «Ирокез» только для того, чтобы сбегать в ближайший супермаркет за пиццей, он заполнял пробел, возникший после той трагедии в Павловске. Двадцать

два, двадцать три, двадцать четыре.

Двадцать пять. В этом возрасте неплохо начинать.

«Чем дальше, сынок, тем больше жизнь становится похожей на железную дорогу». Так говорил его отец, всю жизнь работавший начальником небольшого подразделения в большой компании. Двадцать лет безупречной службы. Его связей хватило для того, чтобы после университета пристроить сына в свою компанию.

Кейс. Галстук. Бизнес-ланч за счет конторы. Стандартный соцпакет для младшего персонала. Официальные вечеринки. Воздушные шарики с фирменным логотипом. Движение по эскалатору, который медленно, но верно вез наверх лучших представителей среднего класса. Он быстро сумел стать своим в офисе, помогли отцовские советы и собственная коммуникабельность. Ворчание «старослужащих» по поводу низких зарплат и «непроходимой тупости» начальства он поначалу воспринимал как болтовню неудачников, но постепенно стал принимать все более активное участие в этом перемывании начальственных костей.

Однажды вечером, выбравшись из холодной свежести офиса на теплый летний асфальт, ему стало невыносимо противно. Оттого, что опустился до банальных склок, которые никуда не исчезнут, даже если когда-нибудь он переберется в отдельный кабинет. Оттого, что с каждым днем он все меньше понимал, что делает в этом многоэтажном лабиринте.

После работы Петр стал наведываться в ближайшую «стекляшку». Две большие кружки светлой «Оболони» приводили его в состояние благодушного отупения, по утрам отзывавшегося кислым привкусом во рту.

В руке Степанова, начальника отдела логистики их фирмы, была кружка той же светлой «Оболони». «Это сожрет тебя изнутри, парень», – сказал он тогда без всякого вступления, и Петр вначале не понял, к кому обращены эти слова. «Это сожрет тебя». Степанов не был пьян. Честно отработавший свой рабочий день «костюм» начал расслабляться в выходные. «Я не совсем понимаю?…» – «Тебе не нужна карьера, парень. Ты рвешь свою задницу надвое не для того, чтобы сидеть в отдельном кабинете.» – «Все остальные хотят этого». – «Им нужна скорлупа; дело, которое они делают, приносит им деньги и видимость успеха… тебе нужно другое. Ты хочешь быть профи, чтобы другие говорили о тебе: да, этот парень многого стоит. Для тебя это успех.» – «И это жрет меня?» – «Нет. Тебя жрет бессилие. Ты хочешь покататься на ударной волне, а сам плетешься в фарватере за ледоколом, и шансов выйти в авангард у тебя почти

нет». – «Откуда вы знаете?» – «Поверь, я видел достаточно амбициозных сопляков. Хороших и разных. Тебе надо быть впереди, на капитанском мостике… ветер в лицо, крики чаек, на всех парусах к… Короче, вся эта романтическая чушь. Твои амбиции можно удовлетворить гораздо быстрее и без потери достоинства». – «Как?». Степанов заглотнул пива, вытащил толстый деловой блокнот. «Менять систему. Не бойся, это не страшно. У такого, как ты, все еще спереди». Твердым почерком он вывел мыльный адрес. «Пошлешь сообщение. Сошлешься на меня.» Потом засмеялся: «Как звать-то меня, помнишь?» – и достал визитку. «Впрочем, если хочешь – заходи в „Орки“. Ребята сегодня рулят».

В «Орках» в тот вечер сорокалетние «ребята» из квакерского клана [CLS], известные также как «Клерки», играли четыре на четыре с такими же стариками из [KPD]. Два раз в месяц управленцы среднего звена ослабляли узлы стильных ошейников, закатывали рукава рубашек в крупную клетку и рубились в «Кваку», забывая о тяжести принятых за неделю решений. Именно там Петр познакомился с Белодедом, Hombat'ом, гейткипером из [JPG]. На вторник ему назначили первое собеседование.

У него было еще пять собеседований и два «глубоких» теста. Слухи об оригинальной корпоративной культуре GK наполовину оказались правдой. В конце тестирования ему предложили на выбор ряд специальностей и обрисовали возможные перспективы роста.

Полгода Петр занимался «классическим» гейткипингом. Ему дали двух ботов-фильтров, которые цедили в сети информацию для полутора десятков клиентов, а Петр контролировал работу и связывался с заказчиками по мере надобности. Попутно он проходил тренинговый класс, который вел Hombat. Тренинги проводились еще с двумя новичками, и вначале Петр воспринимал это как обычный «курс молодого бойца», целью которого было, как обычно, впарить вновь прибывшему основные лозунги фирмы. Позже он понял, что это была первая стадия прокачки, вспахивание земли и засевание поля. Его готовили к работе по основному профилю.

Петр стал кукольником, разработчиком систем искусственного интеллекта. Средний и высший уровень сложности, полная цепочка – от прописки протокола, фильтрующих и синтезирующих модулей, «характера», до внешнего вида. Начинал он с ботов-тренажеров для квакерской арены и за три года сумел добраться до уровня в двести римановских пунктов.

«Кукольник, говоришь». С тех пор как Петр уволился из

конторы они сталкивались со Степановым в «Орках». В отличие от всех остальных подобных клубов города здесь была неплохая кухня за относительно сносную цену. Были и весьма оригинальные фирменные блюда, типа «Беф-Строгоссов», мороженное «Кокосовый демон» или коктейль «Imp's Swamp». Также большой популярностью пользовались вилки в виде логотипа третьего Квака, которые некоторые посетители, по большей части мальчишки, пытались безвозмездно взять на память. Пока Петр рассказывал об изменениях происшедших в его жизни Степанов наматывал на логотип длинные тонкие макароны. Они плавали в глубокой тарелке, наполненной темно-красным соусом и кажется это было тоже что-то фирменное. После того как все макаронины были успешно выловлены из тарелки Степанов принялся за мясо. «Кукольники. Наследники раввина Леви». – «Кого?» – «Жил такой еврей в Праге. Старая история.» Снабженец много чего знал, но в отличие от «бывалых» болтунов никогда не скрывал своего невежества если был не в курсе. О кукольниках он знал очень много и более того, время от времени делал проекты под заказ. Логотип насквозь проткнул кусок рубленной говядины. «По большому гамбургскому счету в этой работе нет ничего нового. Это тоже самое, чем занимались писатели, художники, артисты и тому подобная братия. Как раньше говорили? "Создать характер», вот как раньше говорили. Сейчас говорят «сваять протокол». Писатель работал со знаком на плоской поверхности, художник с маслом и холстом, артист делал характер из себя. Ты собираешься делать искусственный интеллект. У тебя есть тачка последней модели, соответствующий софт. Различия чисто технологические. Но суть от этого не поменялась… Ты понимаешь о чем я?…

Петр пересказал эту историю, заменив некоторые второстепенные детали, вроде фамилии главного героя и города, в котором происходило дело. Он отладил альфа-версию и отправил ее нескольким тестерам, которые обычно прогоняли продукт на предмет глюкавости. Ответы были как всегда ободряюще-положительными и только от Степанова пришел очень короткая и убийственная мессага. «Плохо».

Старый логистик завалился в «Ирокез» на исходе ночи, ранним утром. Не завтракая и не спрашивая как дела он с ходу открыл свой командировочный кейс из которого появилась куча старых компактов. «Она не клюнет на это ты понял. Она не заглотнет то, что ты и Брахман собираетесь ей предложит. Динамика характера не та, не тот двигатель». Суть дела он изложил минут за двадцать, а после они двое суток правили схему.

«Вся эта братия, писатели, артисты, о которой я рассказывал когда-то давно и которая до сих пор считает себя авангардом впереди стада баранов… Большинство тех образов, которых наплодили эти чудаки – уроды. Больные и поломанные жизнью люди. А знаешь в чем проблема? Они думают, что движение идет только от конфликта. Конфликта с теми, кто тебя окружает, или от той трещины, которая есть внутри. Динамика их образов жизни их героев идет от в направлении от травмы или к травме. В сущности они выносили на свет свои болезни. У тебя, Петро, та же самая динамика. Конфликт, трещина. Она сильная девочка, но она больна. И что ты ей предлагаешь? Вся эта наносная бравада, под которой, ныкается молодой амбициозный сноба, с неизжитым комплексом гадкого утенка и частыми приступами карьеризма. Ей не нужен сосед по палате, ей нужен доктор. Точка отсчета, динамика должна быть в другом, не в конфликте». – «В чем?». – "Ну ты же умный парень, ты знаешь ответ. Сильные чувства, впечатления, большие события, любовь, успех. Длинный список… Ладно, не буду тебя мучить, мне нужна биография ее сестры…».

Первичный массив данных по Карелиным степановские боты-аналитики обрабатывали часа три. Сам логистик молча топтал клаву, игнорируя голосовой интрфейс управления. Он набивал длинные команды в консоли, и постоянно требовал зеленый чай.

«Ты знаешь чего она хочет?» – «Воскресить мертвеца». – «Правильно, а почему она этого хочет?» – «Потому что она любила свою сестру». – «Слишком общий ответ. Конкретизируй.» – «Не знаю» – «Потеря, сестра унесла с собой что-то, что было нужно Эрике. Что? Ты знаешь?». – «Нет» – «Смотри. Вот этот пик. Энджл заканчивает колледж, потом полгода в отделе маркетинга, ничего особенного, рутина, факсы со стола на стол носить. Полный застой. В июле она просит о переводе и переходит в отдел контрактов того же подразделения и тут начинает скакать через позиции. За год она добирается до второго зама». – «Папа подтолкнул» – «Старик? Никогда. Этот веревки из Василия вил пока тот стал тем, кем он стал. Версия не проходит. Что еще?» – «Федор Иванович, не мучь…» – «Момент истины. От этого люди бросают все и уходят в монастыри, меняют образ жизни, полностью перекрашивают мотивировки. Священники называют это касанием Господа, художники – полетом творческой мысли, вдохновением… Все становится ясно и понятно, нет ничего лишнего, ясно что будет дальше, в следующие несколько часов, дней, лет. Она поняла где ее место в этой жизни. Такие люди иногда меняются внешне…» – «Какое это имеет отношение к Эрике?» – «Малая буйная, с самого детства. Вся в отца. Она почувствовала эту перемену, эту уверенность Энджл, не понимала

откуда это идет, но хотела быть такой же. Тут не простое желание вернуть плоть к жизни, чтобы потом мило общаться за чашкой кофе. Эрика хочет знать откуда в ее милой сестре появился этот стержень, это спокойствие и уверенность в себе» – «И что мне делать?» – «Дементьев должен быть таким же. Уже нашедшим себя. Пережившим момент истины. Это должно быть точкой отсчета в его характере, а не желание удовлетворить свои болезненные амбиции. Тогда у вас есть шанс, что он станет не просто хорошим знакомым.» – «А если она не почувствует, не поверит?» – «Почувствует и поверит. Главное – нужно создать образ, обрисовать контур события. Это похоже взрыв, удар молнии, прорыв плотины. В тебе копится память об этой жизни, тексты, символы, образы. Потом… одна деталь и все становится на свои места. В одно мгновение. Все обретает смысл, все, что было с тобой… Похожие вещи случаются с каждым, каждый хоть раз прикасается к Закону, понимает что-то, что было и после этого знает что будет. Но у одних это проходит не слишком сильно и они забывают об этом всю оставшуюся жизнь, у других один раз начавшись, не заканчивается никогда. Мудрецы, пророки, большие ученые. Таких единицы, их момент истины открывает им закон во всей полноте. Коннект с сервером Господа, коннект на бесконечной скорости, который не рвется никогда. Вспомни свой первый рейд по Магистрали. Первый выезд из дока, первую трансферную операция, когда два десятка бортов слаженно работают вместе. Ничего лишнего, только ты, твои партнеры и дорога. Ничего лишнего. Вспомни, Петр. Вспомни, как в первый раз ты оседлал ударную волну и ты поймешь о чем ты должен ей сказать».

Тогда Степанов уехал поздним вечером. «Почитай переписку Энджл. Это получше мемуаров какого-нибудь Нобелевского лауреата по литературе. Почитай, особенно на письма к парню с ником Валигар».

Затем было еще две недели, которые вымотали его до невозможности. Скупые замечания Степанова, установки Нильса, комментарии менее глобального характера от других тестеров – все это еще раз было свалено в кучу и перегнано в «слепок реальности» с плотностью пятьсот семантических плоскостей. В пространстве кластера «базальтовый» массив данных обрел внешность парня двадцати пяти лет. Си-Джей пополнился еще одним объектом с искусственным разумом, судьбой и внешностью.

Позже, когда проект уже вступил во вторую фазу, Эрике дали покопаться в документации отдела кадров, где она нашла информацию о человеке по имени Сергей Дементьев. И, как

правильно предполагал Брахман, девушка попыталась просканировать рефлект. Она нашла индивидуальные линии памяти, вплетенные в структуру дайса. Это успокоило ее настолько, что она начала делать первые настоящие шаги навстречу тому, кто называл себя «Сергей Дементьев».

– Классная у тебя тачка, – Эрика пару раз подпрыгнула на кожаном сидении. – Хорошо срубаешь? Чего делаешь для жизни?

– В смысле? Что значит «делаешь для жизни»? -, аналитики не ошибались, родной для нее все-таки был английский, иногда она дословно перепирала идиомы на русский.

– Работаешь кем?

– Гейткипером. Кочевник мобильного сегмента. И тачка эта не моя, а клана.

– Да? – она наклонила голову и посмотрела на Петра из-под своих Премиумов.

– Ага, – ответил тот – Петр Хилько, юго-восточный GK-консорциум, клан [JPG]. – он выговорил это четко и с расстановкой, не поворачивая головы в ее сторону.

– Не надо мне макароны на уши вешать. Наездники Магистрали не берут попутчиков. Это любой пацан с улицы тебе скажет.

– Это пока наездник находится в вахтовом реестре. Перед входом, а тем более при выкате с Магистрали наездник может делать все, что хочет. Пока в сундуке ничего нет, кочевник спит спокойно. Или это тебе пацаны не рассказывали?

– Нет, – она поправила стекла, слегка съехавшие на нос.

– А что они рассказывали?

– Про что?

– Про Магистраль?

– Да много чего, – она тушевалась недолго, быстро овладев собой, в голосе опять завибрировали нотки уверенности в ответе на заданный вопрос. – Ты наверное про все это и так знаешь.

– Ну чего и где по Магистрали ездит, я знаю, а вот чего пацаны с улицы про это сочиняют – он широко улыбнулся и повернулся к ней – не знаю.

– Ха! – она приоткрыла рот и покачала головой. – не пацаны с улицы.

– А кто?

– Не важно…

«То, что один человек сделал, другой завсегда сломать сможет». Озвучили это русские, но практиковали все, вне зависимости от национальности и вероисповедания. Проблема

безопасности для одних была головной болью, для других – способом выбиться из ряда, но и для тех, и для других оставалась куском хлеба. Серверы и соединяющие их спутниковые и волоконные линии, физическая основа Сети – как предмет пристального интереса профессионалов с обеих сторон невидимой линии фронта… Вопросы защиты данных – это всегда повод для того, чтобы раскинуть мозгами.

Швейцарцы первыми стали организовывать защищенные со всех сторон информационные банки. Это называли «коротким поводком»: клиент мог получить доступ к своей информации в специальном помещении, защищенном от любой следящей техники. Иногда доступ осуществлялся по защищенной линии точечной передачей в строго определенное время, которое было известно только клиенту. Как и в случае банковского счета, доступ к компьютеру мог получить только тот, кто являлся его непосредственным владельцем.

Прятать компьютер в «ящике» из спецбетона со стенами толщиной в полтора метра было по карману далеко не всем. Отсутствие защиты носителя от несанкционированного вторжения пытались компенсировать плавающим графиком работы сервера и его мобильностью. Мобильные сегменты появились в сети еще до того, как Холм начал строить виртуальность нового поколения. Крэкеры из клана [Aces High], промышлявшие обналичиванием кредитных карт, ездили на мотоциклах с лэптопами в рюкзаках. Постоянное движение из города в город сбивало с толку полицию, искавшую преступников среди очкариков, сутками не вылезавших со своих чердаков.

Идею подхватили. В немалой степени этому способствовало появление национальных подразделений кибернетической полиции. Мобильные сети назвали Магистралью. Сервис Магистрали стоил недешево, но все же был вдвое ниже расценок в Лозанне или Берне. К тому же, для того, чтобы швейцарцы засунули компьютер в сейф и приставили ему команду из трех операторов, необходимо было пройти ряд процедур, в ходе которых выяснялась репутация клиента. На трассе процедура имела упрощенный характер, рекомендаций двух-трех доверенных лиц вполне хватало, чтобы кочевник взял минимодуль в свой суперван. Многие серьезные хакеры тоже предпочитали передвигаться по автобанам, а не сидеть в старых гаражах на окраинах.

Гейткиперская No.Mads.Net была крупнейшим и наиболее организованным сегментом Магистрали. Ее начали создавать после первой Берлинской конференции, когда большие компании начали проявлять интерес к «слепку» и другим разработкам. GK

отказались от услуг сторонних провайдеров и организовали собственную сеть, часть серверов которой была поставлена на колеса. Тогда гейткиперы ездили на подержанных семейных трейлерах и мотоциклах и экономили на мотелях.

За прошедшие пятнадцать лет поменялось многое. Мобильный дивизион пересел на тяжелые «Ирокезы» и «Апачи», и эти суперванны круглосуточно утюжили главные магистрали континентов. Последние анти и анти-анти-системы слежения и защиты менялись одновременно с бензином и маслом. У кланов и консорциумов появились собственные спутники, каналы коммуникации, охранные подразделения и информаторы в лагерях конкурентов. Движение уже прочно стояло на ногах, укрепляя свои позиции на всех участках фронта.

Менялось все. Вечной оставалась только проблема с хакерами-отморозками, которых нанимали «быки» и «костюмы» из офисов. «Двойные команды», дабблтимеры, формировались из уличных кланов, самой низшей ступени хак-сцены. Очкарики разбавлялись бывшими операми, умевшими хорошо водить скоростные трейлеры, но плохо разбиравшимися в коммуникационном оборудовании. Иногда эти придурки пытались упасть на хвост тут же, на каком-нибудь шестирядном автобане. Впрочем, кочевники отвечали тем же. Забуревшие ветераны Магистрали, вроде Кабана, растерявшего на трассе половину зубов, возили с собой полуавтоматическое оружие и запрещенные Миланской конвенцией глушители, направленным излучением вырубавшие все электрические цепи цели.

Каждый GK-клан имел свой мобильный дивизион. На три месяца в год пять-шесть человек из клана забирали свою основную работу с машин в офисе и пересаживались в «сейфы», передвигавшиеся по трассе со скоростью триста километров в час. Среди них были и двадцатилетние пацаны с нехваткой адреналина в крови, и отцы семейств, для которых ежегодная вахта была глотком свободной жизни. Были старики, не сходившие с Магистрали годами, – те, кто принимал участие еще в первой волне GK. Гвардия ветеранов, прирожденные холостяки без дома и семьи. Координаторы Магистрали, хайкорды и модераторы держали армию гейткиперов под жестким контролем.

По легенде, Сергей Дементьев был одним из хайкордов, средним звеном между группой узлов и претором, модератором региона. Тут они немного приврали, но иначе нельзя было оправдать его постоянное присутствие на трассе. Хайкорд должен быть профессионалом не только в своей специализации, но и разбираться в коммуникационном оборудовании, знать каждую линию связи, доступную в подчиненном ему регионе, уметь

быстро реагировать на внештатные ситуации. Для этого надо было помотаться по трассе лет пять-шесть. И это должно было быть не просто профессией, а образом жизни.

– Это Фидлер. Есть новости. Последний контейнер при ней. Она все время таскала его с собой. Мы выходим на финишную прямую. Брахман сейчас ведет переговоры с Карелиным относительно дальнейшего хода операции. Но этот сумасшедший русский хочет покончить со всем за один раз. Русские любят быстро ездить. Извини, ничего личного. Претор хочет, чтобы ты поскорее довез ее туда, куда следует. Не исключено, что группа физкультурников догонит тебя прежде, чем вы доберетесь до Фленсбурга. Последнее. Клерк, индекс на борту твоего «Ирокеза», совпадает с индексом вана, на котором, по легенде, ездит Сергей Дементьев. Ты помнишь об этом? Пока мы прикрываем твой рефлект, но лучше ей не смотреть на левое крыло твоего супервана.

– Нет. – Петр пережидал с минуту пока она дошумит со своими контраргументами и опять повторил – Нет.

– Ну что «нет»? – она села, поджав под себя левую ногу и развернувшись к Петру всем корпусом.

– Хайкордом нельзя стать если тебе меньше тридцати пяти.

– Это еще почему?

– Чтобы рулить пятью десятками узлов в своем секторе надо много чего знать. Надо разбираться в коммуникационном оборудовании, в особенности в том, где есть старые телефонные линии. Нужно быстро соображать когда возникает какая-нибудь непредвиденность. Да и ребята, тоже не подарки, на место таких ставить тоже работа еще та, на пяти языках нужно уметь ругаться. В двадцать пять, – он поднял брови, – вряд ли. – Слушая ее задумчивое молчание он решил что это неплохой момент для того, чтобы сменить угол зрения на тему – А он кто, твой парень?

– Да нет, какой там парень, мы с ним просто знаем друг друга…

– В реале никогда не встречались?

– Не-а…

– Чего так?

– Чего ты спрашиваешь, работа у вас вон какая. Месяцами с трассы не съезжаете…

– Да, есть такой момент. Знаешь, я тоже когда-то с девушкой по электронной почте переписывался.

– Чего, на чат денег не хватало?

– Письмо есть письмо, есть время подумать, не спеша

подобрать слова… И письма остаются. Их потом можно перечитать, вспомнить, что тогда было. Треп в кластере или чате – это совсем не то.

– Так что с ней? Как ты с ней познакомился?

– На одной из фидошных эх. Там за жизнь народ общался, просто так. Атмосфера была, как бы это сказать, теплая, дружеская очень. Как будто на встрече старых друзей. Каминный зал, народ пьет сухое вино, рассказывает о новостях.

– Нууу, так заманчиво звучит…

– Да, бывало интересно. Мы обсуждали какую-то тему, а потом скатились в мыло. Два-три письма в месяц, она рассказывала мне о себе, я – ей. Она жила в другом городе, полторы тысячи километров. Писала мне о своих поклонниках, я писал о своих девушках. Советовались, что делать и чего не делать. Мы были друзьями. Потом она вышла замуж, родила ребенка. Мы еще полгода перебрасывались письмами, а потом все закончилось.

– У тебя есть ее фотография?

– Нет, мы не посылали друг другу фотографий.

– Почему?

– У каждого из нас уже был порядочный стаж в сети. Никто из нас особенно не надеялся на то, что в реале у нас получится что-то большее чем было в общении по сетке.

Возникла пауза.

– И вы никогда не виделись? Даже по телефону не разговаривали?

– Нет, никогда.

– …А что такое «фидошная эха»?

Кроме папиной охраны, за ней постоянно ходили частные детективы, нанятые братом. Эрика знала об этом и каждый раз находила новые способы ускользать от охранников. Впрочем, ее опять находили. Но где она была и что делала в течение того времени, на которое ей удавалось избавиться от слежки, выяснилось только после того, как началось ее общение с ботом. Генматериал своей сестры Эрика разделила на четыре части. По законодательству Объединенной Европы, инициация восстановления биологической основы умершей могла производиться только одним из ближайших родственников, достигшим совершеннолетия.

Она купила четыре криогенных мини-контейнера, сименсовские IceBox, похожие на термосы, в которых сторожа «сутки-трое» держат крепкий чай с лимоном. Хорошая, надежная техника, немцы есть немцы. Распределять материал по

холодильникам ей помогал лаборант из университета Гельмгольца, с которым она познакомилась на одной из дискотек. Парень думал, что у них начинается что-то вроде романа, но после того как он упаковал материал, Эрика помахала ему ручкой. Потом его два дня трясли ребята из личной охраны Василия, пока не поняли, что он понятия не имеет, куда она отвезла контейнеры.

Впрочем, один был найден сразу: Эрика доверила первый контейнер матери. Ребята не стали устраивать имитацию ограбления, а просто заменили материал. Во время следующего приезда к матери Эрика обнаружила в термосе лягушачьи лапки и записку от брата. Глупый ход, рассчитанный на то, что младшая сестренка испугается и остановится. Теперь, зная точно, кто за ней подглядывает, Эрика стала осторожной вдвойне. Она научилась стряхивать с себя трансмиттеры, водить за нос операторов спутников, менять внешность и голос, начала читать руководства пользователей по Mind Scape.

Бот вытянул из нее координаты еще двух контейнеров. Однако где Эрика Мортон прятала последний контейнер, выяснить не удавалось.

Запускали бота в «Реакторе». Эрика тусовалась здесь с нео-рейверами. Нужно было организовать знакомство, отрежиссировать первую встречу так, чтобы была гарантия второй, короче – произвести впечатление. Пришлось вспоминать пикаперские навыки и настраивать поисковые макросы на материалы, в которых давались соответствующие советы всем, от пионеров до пенсионеров. За эти три дня они с Брахманом вдоволь насмеялись. Старик рассказывал о своей молодости, о том, что они вытворяли в начале девяностых на славянском факультете в Оденсе. Истории про то, как Нильс цеплял крепкогрудых датчанок в барах на побережье, чередовались с редактированием базового протокола AI.

Физически кластер «Реактора» действительно располагался в недостроенном реакторном зале Крымской атомной. Ежегодные рейверские фестивали отошли в небытие. Гостиницы не пустовали, но кислотного беспредела конца девяностых уже не было. Один умник хотел сделать здесь музей. Перспектива превращения реакторного зала в склад реликвий заставила крымчан пошевелить мозгами. Владельцы гостиниц организовали здесь одно из первых виртуальных кафе.

Это называлось Digital Superposition, цифровое наложение.

Цифровое наложение впервые было продемонстрировано на CeBit 2003. Пакет Watcher, автоматизированная система

управления и диагностики состояния машиностроительных цехов. Тогда демонстрировалась точная копия цеха «Южмаша», сделанная на основе одного из игровых графических движков. Подключение к цифровой модели было возможно через обычные виртуальные очки. Пользователь оказывался в точной копии цеха на том же самом месте, где стоял до того, как подключился к виртуальности. Только теперь кроме самого оборудования ему были видны параметры ключевых узлов этого оборудования, процессы, идущие в цеху, несложные аналитические выкладки и отчеты, предупреждения о возможных сбоях на конвейере, которые обновлялись через систему датчиков и видеокамер, установленных по всему цеху. Через интерфейс Watcher'а были также доступны контуры управления, позволявшие не сходя с места дотягиваться до нужного рубильника. Более того, все, что двигалось – люди, оборудование, транспорт, – также отображалось в виртуальной модели. Несколько десятков видеокамер отслеживали движение объектов, которое передавалось на главный сервер системы, где Watcher конвертировал их в графические полигональные модели.

Новый рекламный слоган гласил: «Вы видите все то же, что и раньше, и то, чего не видели никогда». В обиход входили «стекла» – очки, не отрывавшие пользователя от реальности. Реальность дополнялась деталями, облегчавшими взаимодействие с ней. Находясь в рефлекте, «отражении» реального объекта, пользователь приобретал новый инструментарий для более полного взаимодействия с окружающим миром.

Первыми обзавелись кластерами-отражениями крупные магазины и развлекательные центры. Теперь достаточно было снять пустое, но хорошо отапливаемое помещение, прикупить дешевой, но крепкой мебели, нанять двух-трех соседок-пенсионерок, качка из ближайшего спортзала, купить пару настольных платформ и взять на работу «садовника», который мог ваять кластеры виртуальности в формате «слепка реальности». Оставалось расклеить объявления и ждать посетителей. Единственное условие – вход в зал был гарантирован только при наличии систем X-Optic или Pink Glass. И тогда пустое помещение становилось дискотекой с сияющими огнями, бабульки с первого этажа – длинноногими красавицами, а простая и крепкая мебель – стильной продукцией от Merx. Единственное, что было реальным – выпивка и закуска. Цифровое наложение на эту категорию реальных объектов было строго запрещено При минимальных капвложениях подобные действительно виртуальные кафе давали отдачу, сравнимую с традиционными заведениями такого же типа.

Технологию, предназначавшуюся для локальных сетей, связанных с автоматизированными системами управления, стали примерять в Internet. Уже первые опыты были довольно удачными. В особенности это касалось скрещивания «цифрового наложения» и геоинформационных систем. Рывок в этом секторе рынка не заставил себя долго ждать.

Раскручивание новой технологии в Сети практически сразу подмял под себя Европейский центр по развитию и координации информационной политики. Давно зревшая в недрах Серебряного Холма концепция «Новой Сети» суммировала последние технические достижения и те стратегические цели, которые должна была выполнять новая виртуальность. Новоиспеченный сетевой проект получил название Cyber Globe, «Кибернетический Глобус». «Сайберглоб» (Си-Джей) позиционировался как универсальная коммуникационная система всех уровней («аудио», «аудио-видео», «расширенная», «полная»), динамическая и статическая базы данных и совокупность контуров управления антропогенными объектами. Планировалось, что Си-Джей заменит Internet, сможет совладать с существующим там хаосом и решить проблемы безопасности.

Жизнь внесла свои коррективы.

Разделение Сети на три глобальных сегмента произошло после Второй Барселонской конференции, где была введена обязательная регистрация как компьютеров, которые поддерживали как Си-Джей, так и пользователей, которые в нем обретались. Вольница заканчивалась. На виртуальных территориях единого информационного пространства, являвшихся отражением реальности, вошли в силу национальные уголовные кодексы, приправленные статьями, регулирующими некоторые особенности существования граждан в этих местах. Кроме этого, регистрировались те серверы, которые содержали рефлекты реальных объектов, представленных в формате «слепка реальности». Эти условия оставили за бортом две крупные категории виртуальных пространств. Владельцы одних по вполне определенным причинам не хотели регистрировать свои сайты и кластеры; владельцы вторых не могли это сделать, поскольку их пространства не являлись рефлектами.

На массив этих незарегистрированных серверов нормы уголовного права, равно как и помощь со стороны правоохранительных органов, не распространялись. Кибернетическая полиция, занимавшаяся отловом хакеров на просторах Сайберглоба, не занималась аналогичным «сервисом» для оставшейся части Сети. Владельцы серверов, вернее, их провайдеры, обеспечивали безопасность самостоятельно, в меру

своих сил и возможностей. На атаки хакеров отвечали жесткими контрмерами. По мере развития биотехнических технологий методы защиты становились все более изощренными, с привлечением психотронного и психонического программного обеспечения. Незадачливые пользователи, которые имели неосторожность подключаться к серверам с подобной защитой, все чаще стали обращаться в соответствующие органы. Которые, в свою очередь, не имели никакого юридического права пресечь эти меры самообороны.

Ситуация была утрясена двумя годами позже, когда к Барселонскому протоколу была добавлена статья о свободных виртуальных зонах. Сеть была разделена на три зоны. Первая – собственно Си-Джей. Вторая включала в себя кластеры, не являвшиеся отражениями, поведение в которых регулировалось как национальными уголовными кодексами, так и правилами, устанавливающимися владельцами кластеров. Так возник Шельф. Основой Шельфа, самыми крупными и старыми кластерами, являлись эволюционировавшие игровые вселенные, онлайновые службы известных игровых компаний и многочисленные MUD'ы и MOD’ы. Ultima Online, Underlight, Brotherhood, Planescape Multi Universe, NeverWinter Nights, близзардовская Battle.net и другие. После того как был узаконен статус пространств Шельфа, один из крупнейших кластеров, Квакерская Arena, наконец смогла сделать из шутеров вид спорта: трансферный рынок реальных и виртуальных бойцов, чемпионаты всех уровней с прямой трансляцией, тотализатор… Телекомпании запустили в Шельфе несколько бесконечных сериалов, в которых некоторые роли исполняли не реальные люди, а упакованный в полигональную оболочку AI. Через несколько лет, после широкого распространения нейротехнологий, следить за событиями этих сериалов можно было уже не с позиции наблюдателя, а глазами одного из героев. В онлайн перекочевали несколько ток-шоу, и теперь, чтобы поучаствовать в программе совсем не обязательно было ехать в телестудию – достаточно было просто одеть «стекла».

Отдельную категорию составляли личные кластеры частных лиц. Фанатики Сети, до этого лелеявшие свои сайты в плоском Web, получили новые возможности. Их виртуальные пространства действительно были виртуальными: не отражения, но обрывки этого мира, соединенные ассоциациями и индивидуальными пристрастиями тех, кто их создавал. Перемешанное место и время. Алиса из Страны Чудес пила чай с молоком в замке у Лары Крофт, Блум водил Одиссея по Дублину начала XVII века, а Дюк Ньюкем выяснял отношения с Гераклом. Галлюцинации

человечества переселились с бумаги и холстов на магнитоптические носители и обрели, наконец, собственную жизнь, независимую от человеческого сознания.

Чаще всего здесь попадались коллекции банальностей: стихи, свои и чужие; неплохие, но такие узнаваемые картины; интерьеры, содранные из модных журналов. Трогательные рассказы о детстве и юности, предложения вложить деньги в один из «самых оригинальных сетевых проектов» и просто пожелания заходить еще. Фанаты писателей, поэтов и художников, фильмов, музыкальных групп, кино-теле-сетевых звезд создавали свои версии алтарей, посвященных кумирам. Посетителей встречал личный гайд – привратник, показывавший все, что хозяин оставил для гостей, включая большую книгу, в которой можно было оставить отзыв и подпись.

Иногда Петру было жаль тех чудаков, которые не дожили до этих странных дней.

«Третью зону», которая полностью освобождалась от опеки закона, образовали не вошедшие в Реестры Си-Джея и Шельфа серверы. Хакеры вольны были делать с ними все, что угодно. Статья также гласила о том, что посетители подобных зон не получают защиты закона в случае нанесения им экономического либо физического ущерба. Перед тем, как пройти через гейт, пользователь получал предупреждение. Мол, если ваши мозги здесь превратят в рулет или ваша кредитка перестанет работать, никто никого наказывать не будет. Так появилась Область.

Для европейских гейткиперов и североамериканских макромиксеров это был качественный рывок. Дайс, «слепок реальности», стал одной из ключевых технологий новой Сети. На нем планировалось создание динамической базы данных Сайберглоба. Динамический «слепок реальности», легший в основу Си-Джея, использовался также для создания пространств второй и третьей зон, поскольку лучше всего отражал свойства физического мира и являлся открытым для дальнейших улучшений, добавлений новых информационных слоев в уже действующую структуру. А это означало заказы на его производство, регулярные апгрейды, написание специализированного софта. Проще говоря, это были не просто большие деньги – это были настоящие деньги.

Тогда он впервые понял, что не ошибся вагоном. Компании, державшие сектор «до того», имели неплохие доходы, отбивая кусок хлеба у традиционных средств массовой информации, но подобный поворот дел выводил гейткипинг на качественно новый уровень.

– Это твои?

– Да, жена и дочери. Старшей десять, младшей пять.

Эрика взяла фотографию.

– У младшей твои глаза.

– Да она вообще в меня. Не только глаза, нос и характер тоже.

– Ну да, особенно нос…

Она достала из бокового кармана сумки бумажник и извлекла из него полароидную фотографию. На фото была Эрика и Энджел. Этот снимок был в том досье, которое передал Петру Карелин-младший.

– Сестра? – Прозвучало глупо, но этот вопрос должен был быть задан.

– Сестры нет. – Эрика поправила клавиатуру, лежавшую на коленях. – Умерла. Три года назад.

– Извини…

– Ничего… Слушай, а почему все извиняются, когда слышат это? Они же не виноваты. Зачем об этом говорить?

– Тебя это раздражает?

– Да, делают такой вид, как будто все горе на них свалилось. А самим до лампочки, кем была моя сестра. Противно это…

– Знаешь, наверное, извиняются за то, что спросили, о чем не стоило бы спрашивать. Как будто дотронулись до раны, больного места. Извиняются за ту боль, которую случайно разбудили. Я так думаю.

– Да? Хм… интересно, никогда не думала, что это так. Все эти надутые индюки… Энджел никогда не была такой, молчала, если что-то не нравилось.

– Вы были близки?

– Да, мы доверяли друг другу. Знаешь…

Лэптоп едва слышно запищал. Прервав разговор на полуслове, Эрика опять надела «стекла» и троды.

"Это все та же улица и те же дома. Те же деревья и машины. И даже те, кто шел по этой улице до того, как вы услышали легкий шум в ушах, продолжают здесь свой путь. Но это не та реальность, которую вы все еще ощущаете своими ступнями. Это Сайберглоб, Си-Джей, Кибернетический Глобус. Виртуальность, которая есть отражение реального мира.

Для того, чтобы попасть сюда, достаточно одеть очки, вставить в ухо горошину микрофона и нажать кнопку питания системного блока в правом кармане вашего пальто. Вы не носите пальто? Вы предпочитаете экран активной матрицы элегантным «стеклам» в тонкой оправе? Нет проблем. Вы до сих пор боитесь вставлять себе в голову нейроадаптер? Ну что же, в таком случае

можете обойтись традиционной клавиатурой и двухкнопочным манипулятором. Операционная система Decada позволяет вам пользоваться Cyberglob десятками различных способов – от «ограниченного-визуального», когда вы «видите и слышите», до «полного-нейро», когда вы ощущаете прикосновения и запахи. Как говорили классики, каждому свое, и никто не должен уйти обиженным…

…После того как вы нажали все нужные кнопки, происходит загрузка Decada, подгрузка необходимых утилит, определение ваших географических координат и идентификация вашего личного CG-кода. Теперь вы «видны». Теперь вы можете пользоваться коммуникационной системой (в аудио– или видео-формате) и «позвонить» друзьям, можете переместиться в Париж или в Центральный парк Нью-Йорка. Узнать цены на Старой Петровке и посетить супермаркет на другом конце города, сделав все необходимые покупки, не сходя с той скамейки, на которой сидите сейчас.

И все, что вы видели «там», – точная копия того, что есть «здесь». Точная графическая копия, снабженная интерфейсом, позволяющим вам взаимодействовать по эту сторону «стекол», получать информацию о мире и управлять миром в силу своих способностей и ресурсов. Под графической оболочкой движка RealEarth-II скрыты сотни взаимосвязанных между собой информационных слоев – дайс, так называемый «слепок реальности»…"

«Сайберглоб для чайников» написал Вацлав Зембинский, претор пятой европейской зоны. Второй фазой проекта должен был руководить он. В тот день они вместе обедали в одной из львовских «кавярень».

– Хорошая работа, Петя. Я всегда видел в тебе потенциал. – Зембинский запил стейк глотком свежего апельсинового сока. – Почему ты решил отойти от контроля бота?

– Я еще немного поработаю с вашими спецами. Шеф кидает на другой проект. – Отчасти это действительно было так. – Устал я, Вацлав, – произнес Петр несколькими минутами позже.

Тот понимающе покачал головой.

По сути, кукольники и бустеры делали одно дело, но с разных сторон. Для увеличения интеллектуального потенциала отдельно взятой организации можно было либо купить сильный бот-ментат, сделанный кукольником, либо провести специальный тренинг под руководством опытного бустера. Оба метода имели свои недостатки. Бот, особенно сделанный из динамического дайса, а не просто отвечающая на вопросы голова, тупой мимир,

работал год, от силы два. После отработки протокола и выполнения всех задач, которые перед ним ставились, он «умирал». Долгожители вроде Фауста, шефа аналитиков банка «Дойче-Дрезден», были штучной работой и стоили несколько сотен миллионов. Бустинг давал такие же впечатляющие результаты, но если это делал «мясник», то интенсивная раскачка творческих способностей могла закончиться частичным разрушением личности. Однако работа, проведенная настоящим профессионалом, была практически лишена подобных побочных эффектов.

В свое время он хотел заняться бустингом, но тогда Белодед резко его осадил. Восстановление психической структуры личности с использованием реальных фактов и деталей, которые нельзя было изменять, требовало полной отдачи. От подобной работы всегда оставались отпечатки – как у хорошего актера, который вживается в роль и даже перенимает некоторые привычки героя. Для Петра было проще создавать карты сознания в Mind's Builder, ваяя ботов-ментатов, делать искусственную во всех смыслах этого слова жизнь, чем собирать по кускам чьи-то семьдесят лет, разбираясь с не изжитыми до конца комплексами, неосуществленными амбициями и неудовлетворенными желаниями. Киберклоны тех двух стариков, которые он делал для Тумоса, дались ему непросто. Фотографии, видеозаписи, демы посещений кластеров, истории психологических травм и личные письма. Пакет этих «документов» нужно было тщательнейшим образом перелопатить, чтобы прописать основу будущей «куклы». Бустеры называли это протоколом: последовательность действий, ведущая к достижению жизненных целей, скрытая и явная мотивация.

В боте была зашита часть его жизни. С другой стороны, память утонувшего Сергея Дементьева стала частью жизни Петра. И еще несколько недель после того, как он сдал работу, ему снилась Мойка, комната в старой общаге Политеха с нацарапанной на стекле цифрой «1991» и силуэт разводного моста над Невой.

– Слушай, ну у тебя и жара. Ты не против?

– Валяй.

Она стянула пуловер и осталась в обтягивающей черной футболке с оборванными рукавами. На левом плече у нее была татуировка: оскалившийся череп, один глаз которого сиял холодно-синим, другой был ярко-красным. В череп был вогнан гвоздь темно-красного цвета. Его согнутая шляпка торчала из макушки, а острие выходило из треснувшей нижней челюсти.

Штырь. Гвоздь. На жаргоне сетевиков так называли адаптер полного нейроподключения. Подобные татуировки носили операторы из британского подразделения Holy Bolts, кибернетической полиции Соединенного Королевства. Они первыми начинали работать с Memphis через полный интерфейс. Но в их тату череп был проткнут с двух сторон – сверху и сбоку. Символ имел бесконечное количество модификаций, доступных по приемлемой цене в любом тату-салоне.

Нейл. Copper Nail. Медный Гвоздь. Эрика придумала этот ник сама, как придумывали их себе десятки тысяч подростков, мечтавших о карьере крутого хакера. Юные хакеры начинали с подделки рефлектов для Сайберглоба, для того чтобы пошуровать в кластерах крупных универмагов типа болсеровских «колодцев». Более умные и талантливые писали сканирующее пэо для откачки информации из закрытых слоев дайса, это касалось в основном информации по финансовым потокам и стратегическим планам компаний. Юнцы писали вирусы, ферментный софт для беспредельщиков Области, легкие психонические системы защиты. Иногда начинающие хакеры работали в «двойных командах». Их, в большинстве своем еще несовершеннолетних, ловили практически их ровесники, только что вышедшие из стен кибер-академий «солдаты бинарного фронта». Некоторых малолетних нарушителей перевоспитывали, и потом они уходили учиться в эти самые академии.

Очень немногие из баловавшихся мелким хулиганством на просторах Си-Джея делали профессиональную карьеру – создавали вирусы-убийцы, сжигавшие железо, на котором обитал корпоративный AI; писали «тяжелую» психонику для кластеров «третьего сегмента»; работали с Memphis – «осью», дававшей доступ к контурам управления Сайберглоба, дестабилизируя работу предприятий, банков и военных систем. Они делали еще очень много других интересных и высокооплачиваемых вещей. Каста технокрыс, профессиональных взломщиков, чьи биографии Interpol и подразделения корпоративных разведок крупных компаний знали наизусть. Некоторые из этих бойцов еще помнили командную строку в DOS и уже воспитывали внуков. На хак-сцене тусовалось третье поколение.

Легенды, домыслы и прыщавый романтический бред окружал эту сферу. Игроков хакерской сцены иногда путали с GK из мобильных сегментов. Но армия технокрыс, как и сорок лет назад, продолжала оставаться сообществом продвинутых технарей. Они не пытались обзаводиться пакетами акций, недвижимостью, контролем над ресурсами и высокотехнологичным производством, не занимались

политическими играми и созданием новых героев масскульта. Этим активно занимались гейткиперы.

Эрика сумела добраться до той черты, где начинаются настоящие дела. Игра в прятки с частными сыщиками, нанятыми братом, сделала ее экспертом по следящим спутниковым системам и методам их обхода. Подделкой персональных CG-рефлектов и кредитных кодов она занималась походя. Она могла бы пойти дальше, но вовремя поняла, что топает не туда. Копнула глубже, и стало ясно, что восстановление личности не было основным профилем «крутых компьютерных ковбоев». Некоторые из них пробовали делать подобные вещи, но таких за глаза называли «мясниками». Настоящим бустингом занимались профессиональные психологи из солидных клиник, военные эксперты и гейткиперы, которые держали пальму первенства в этом секторе рынка. Их коньком был чистый бустинг, без применения имплантантов и фармацевтики. В деле восстановления личности это было одним из основных факторов, влиявших на решение юристов. Химическая или кремниевая прокачка сильно тормозили процесс, и с вероятностью три к одному дело могло закончиться отказом в восстановлении юридических прав. И тогда мисс Мортон решила действовать сама. Начались ее поиски выходов на GK-кланы.

Брахман был прав, Эрика должна была клюнуть на кочевника не только из-за романтики дороги или какого-то «момента истины», о котором говорил Степанов. Ей нужны были связи, выходы в систему, где она могла бы сама стать бустером или найти человека, который смог бы сделать из тупого голема прежнюю Энджел Мортон.

– Это Фидлер. Возможно, во Фленсбурге ее будет ждать Гессенец. Ориентировочно – черный Beowolf, HLH-9971-18. Длительный визуальный контакт нежелателен. Сейчас ребята подбираются к линии видимости. Сукин сын прячет рефлект за какими-то новыми масками. Слухи о дайсе подтвердились: Дементьев связывался с Депозитарием два дня назад и заказал «сухой слепок» самой высокой плотности, какую только ребята смогли найти.

Доводка «продукта» главным образом проходила в развлекательных центрах Си-Джея. Поведенческие реакции, язык тела, лексика с грамматикой – все то, что требовало четкой и детальной проработки, делал Казимир Бонецкий, кукольник из команды Вацлава. Этот женолюб занимался ботами-гайдами для частных пользователей со средним доходом. Отфильтрованная

гейткипером и его ботами-"неграми" информация должна была быть подана клиенту в соответствующем виде. Либо молодым человеком строгой наружности, либо юной мадмуазель приятной внешности. Облеченному в графическую полигональную упаковку AI придавались индивидуальные черты, которые должны были расположить пользователя к общению. Казимир плохо прописывал базовый протокол, но делать ботов привлекательными он умел.

Последняя фаза доводки проходила на «Пирсе», одном из прибрежных кафе в Санта-Монике. Вид на Тихий Океан и пляж, длившийся в обе стороны бесконечности. По «Пирсу» ходили девочки в купальниках и мальчики в цветастых гавайках. Их рефлекты полностью соответствовали тому, кем они были в реале, камеры «Пирса» фиксировали все детали их одежды и контуры тел. Основной сервер лишь чуть-чуть корректировал недостатки фигуры, убирая складки с животов и добавляя округлости сверху и снизу. Вокруг их рефлектов не было светло-оранжевого ореола. Оранжевая кайма была вокруг Казимира, Петра и членов еще одной компании. Это означало, что посетитель в реальности находится далеко от Западного побережья. И, быть может, даже не в Соединенных Штатах.

«Отвертку» они делали сами, предварительно уплатив по девяносто девять символических центов за то, чтобы в рефлектах их стаканов поблескивало нечто, похожее на мартини со льдом. «Гетьман» и апельсиновый сок в пропорции один к одному, в чашках, из которых днем обычно пили чай. Они потягивали «отвертку», сидя в опустевшем офисе Казимира в пригороде Кракова. На Западном побережье было восемь вечера, в Польше – третий час ночи. Гейткиперы ждали: сегодня Эрика назначила боту встречу в этом кафе. Отец утрясал какие-то дела в Лос-Анджелесе и взял ее с собой. Целыми днями она валялась на пляже и каталась на роликах по прибрежному бульвару, а по вечерам бывала здесь.

Эрика пришла первой. Точнее, прикатила на роликах. Обрезанные Levis, футболка с надписью «I Love L.A.», роллерские перчатки на руках, CD-плеер. Усталая от своих забот девочка-подросток. Медно-рыжие волосы были перехвачены полоской, менявшей цвет в зависимости от музыки, игравшей в зале. Эрика плюхнулась на стул и сняла ролики. Подошедший официант взял у нее ботинки и принял заказ на «Кокосовую пальму».

Динамики, установленные за стеной, ловили шум океана, спокойного в тот вечер. Петр посмотрел в окно. Появились первые звезды, багровая полоса заката обрывалась линией горизонта.

Там, за горизонтом Си-Джея, становились доступны кластеры

Шельфа. Среди них были пространства, вход в которые предварялся надписью «Host is not registered» – «Хост не зарегистрирован». Здесь начинался «третий сегмент глобальной Сети».

«Третий сегмент» называли по-разному: «Сумеречная зона», X-Zone, Черная Сеть. Напыщенные определения в основном использовали желтые таблоиды, сценаристы боевиков на сетевые темы и прочие дилетанты. Среди постоянных пользователей «третий сегмент» был Областью. Историки Сети давно сошлись на том, что странное название было позаимствовано из игровой вселенной Brotherhood. Область Героев, место, где жизнь пользователей зависела не от законов, которые устанавливали официальные лица пространства, а от силы, с которой индивид мог противодействовать закону и тем, кто его установил. Сутью Области была неограниченная свобода действий. Изнанка Сети, емкость, где скапливался весь мусор, который нельзя было выносить наружу. В Шельфе играли, отдыхая от проблем реальной жизни. В Области жили, удовлетворяя те желания, за реализацию которых в реальности могли дать пару десятков лет тюрьмы.

Таблоиды муссировали извечную тему секса и виртуальности: порнографические магазины, виртуальные бордели, истории о секс-рабынях, занимавшихся «этим» через Сеть. Но они описывали только вершину айсберга. Тем, что было скрыто темной поверхностью воды, занимались профессиональные психопатологи. В кластерах Области обретало форму коллективное и индивидуальное бессознательное, стремление к смерти, немотивированная агрессия, жуткие фантазии несостоявшихся палачей и диктаторов.

Но «третий сегмент» был изнанкой не только психики Homo Sapiens. Его существование было необходимо многим относительно нормальным с точки зрения психиатрии людям. В Области не существовало ограничений на использование биотехнических и психотронных защитных систем, вплоть до «тяжелой», смертельной псионики. Место и время, защищенные от чужих глаз и ушей лучше, чем любой бункер в реале. Этим пользовались наркодельцы, торговцы оружием и стратегическим сырьем, политики всех расцветок, национальные разведки, мафиозные структуры. Пользовались, разумеется, не афишируя это. Для крупного политика быть уличенным в содержании «черного сервера» означало конец карьеры, для влиятельного бизнесмена или финансиста – переход в разряд нечистых на руку, со всеми вытекающими для репутации последствиями.

Область была тем противовесом, тень которого

уравновешивала закон и порядок глобального информационного пространства.

Петр оторвал взгляд от горизонта. Эрика и бот уже о чем-то оживленно беседовали. Кажется, тогда она спрашивала его о том, что он пьет сейчас в реальности, а он шутил, меняя содержимое стакана, в котором то появлялся томатный сок, то плавала долька лимона. В один момент стакан просто исчез в его руке, а вместо него вдруг появилась старомодная пивная кружка. Стандартный набор ловеласа из киберкафе, но бот делал это настолько непринужденно, что Петр сам несколько минут с удовольствием наблюдал за его манипуляциями.

Тогда на плече у нее еще не было татуировки.

Она стала связываться с ботом сначала через день, потом почти каждый день. После той встречи Эрики с «Сергеем» наступил перелом. Преторы верно просчитали стратегию и нанесли двойной удар: девчонка клюнула на романтика Магистрали, у которого к тому же могли быть связи. Теперь у них были нити, и все, что нужно было делать – осторожно дергать за них в нужном месте и в нужное время.

Утром Петр передал Казимиру все контрольные пароли бота и съехал с проекта.

Днем позже Эрика сбежала в Европу.

Они въехали в небольшой городок в сорока километрах от Фленсбурга, миновав старую церквушку с оградой, выложенной из кусков серого гранита. Суперван проехал несколько кварталов, и Эрика попросила притормозить Петра около супермаркета. Девушка выскочила наружу, не одевая плаща. Ветер по-прежнему разносил пыль по дороге.

Наполовину расстегнутая сумка обнажила край стального цилиндра. Это был криогенный резервуар, жидкокристаллический монитор на верхней крышке показывал внутреннее состояние хранилища. Рядом с замком был стандартный выход для подключения к компьютеру. В ухе опять зашумело.

– Это Фидлер. Куда на побежала?

– За чипсами.

– А… Вообще-то девочка она крутая…

– Что ты имеешь ввиду.

– Знакомства. В таком юном возрасте… В неполных восемнадцать тусоваться с Гессенцем, это что-то.

– Что такого особенного в Гессенце? Парень делает сканирующий софт, прозванивает на заказ закрытый дайс. Стандартный набор услуг крепкого середняка.

– Его родной брат работает на Noostech Inc. По контракту. Специалист по перегонке сухого дайса в живую модель и обратно. Он может переконвертировать образцы крови и кожи из холодильника в киберкопию.

– То есть если на перекрестке ее действительно ждет этот немец, Карелину-младшему предстоит простая и убийственная дилемма…

– Ага, или в Лозанну поедет цифровая копия, а если ее все-таки перехватят где-нибудь на трассе быки Василия, она устроит спектакль с шумом и криками, как обычно. Гессенец сможет восстановить материал в регенерирующих наноустановках в Noostech Inc, и тогда Карелину придется нанимать хороших адвокатов. Либо, если не получится ее перехватить, восстановление будет производиться с нормального материала. Просто как дважды два.

– Теперь понятно почему Василий спешит.

– Еще пара часов и все это закончится… Все, она идет, конец связи.

Эрика повернулась к нему, в руках у нее была большая пачка чипсов.

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Как хочешь, – она поудобнее устроилась в кресле и рванула за край пачки. Пакет громко лопнул и из него полетели желтые хрустящие хлопья, засыпав кресло и пол салона.

– Ой, извини…

Кочевник снял руку с рычага коробки передач. Эрика достала упаковку разовых салфеток, сделала из одной кулек и принялась собирать рассыпавшиеся чипсы.

Петр посмотрел на суетящуюся Эрику. Они проболтали несколько часов ни о чем, как и положено случайным попутчикам. За эти несколько часов они успели поговорить о многом, о делах, семье, друзьях и о том, что делается вокруг и том «как пунктир белой полосы наматывается на карданный вал». Петр многое понял. Хакерша упомянула всего несколько деталей, о которых нельзя было получить представление, изучая предмет, сидя в аудитории или библиотеке, что говорило о неплохой для ее возраста степени осведомленности. Она знала о том колпаке, которым ее накрыли. Знала, что о его существовании, но у нее не было цельной картины. Была мозаика из тысяч осколков, в которой перепутался сленг хакерских чатов, внутренние отчеты по биотехнологиям Noostech, пьянки с магистральщиками на перевалочном пункте в Нью-Кельне, продажа ворованных рефлектов, как способ заработать на проезд через Туннель-под-

Проливом и лицо того парня, который говорил с ней сегодня. Эрика не представляла себе слаженность и масштаб того механизма, который вращался вокруг нее по геостационарным орбитам и волоконным стволам коммуникаций. Два ушедших из ее рук контейнера, эти две крупные неудачи, воспринимались ней как ее досадные ошибки в игре с этой механикой, а не как закономерность, которую трудно избежать. Глядя на нее, пытающуюся навести порядок в салоне, Петр подумал о той паре мелочей, которая отделяет ее от того, чтобы понять где закончились случайности.

Она подняла голову, услышав щелчок открывающейся дверцы.

– Ты куда?

– Помою машину.

– Раньше не мог? – несмотря на грубость фразы, в ее голосе не было фамильярности.

Петр сухо кивнул ей.

– Наведи порядок в салоне.

Партию этих суперванов консорциум приобрел у GMC со скидкой в пятнадцать процентов. Первоначально они предназначались для транссахарского проекта «BP» – техникам, которые должны были обслуживать ливийский и алжирский участки трубопроводов. Улучшенная ходовая часть, место под диагностическое оборудование, система жизнеобеспечения. Проект накрылся медным тазом, и гейткиперы купили эти замечательные машины. О сахарском проекте напоминали только номера бортов, проставленные на заводах в Детройте. Болван-дроид утробно жужжа ехал вдоль борта, смывая вчерашнюю засохшую грязь. Темно-зеленые щетки оставляли чистую полосу, на которой проступили ярко-красные буквы и цифры. B-81. По легенде, такой же номер был у борта, на котором ездил Сергей Дементьев.

Глядя на белую пену, стекавшую по борту, Петр думал о том, что это ничего не меняет в той партии, которую Эрика сейчас играет со своим сводным братом. Она прошла точку возврата задолго до того, как тормознула его на трассе. Если бы сейчас Фидлер или Брахман спросили зачем он это делает, вряд ли бы Петр нашелся что ответить. Слишком многое пришлось бы рассказывать. Не так, не так надо было все делать… Может быть зря он съехал темы год назад. Слепить марионетку и отдать ее в руки другого кукольника. «Когда буря загоняла нас в дом…». Хочешь что-то сделать хорошо, делай сам. «Ветер нес тех, тех, кто не для наших глаз». Эта война не закончится, после этого раунда будет еще один. Новая травма и новый виток. Эрика будет

мстить. Василий отбиваться. Потом брат опять пойдет в атаку. «Когда небо над твоей головой…». Может быть если бы он вел сценарий, то всего бы этого не было и она извлекла бы свои уроки. Осознала, с чем она столкнулась. «Легко ли ты скажешь, кто убил тебя и кто тебя спас?". Момент истины. Степанов никогда не врал и редко ошибался. Надежды было мало, но попробовать стоило.

Последние белые клочья спены превратились в черные пятна на асфальте. Дроид подъехал к Петру, ожидая дальнейших указаний. Кочевник дал отбой, запрыгнул обратно в салон и ван резко рванул с места.

Остаток пути они молчали.

Черный Beowolf ждал на другой стороне перекрестка, рядом с небольшим видео-магазинчиком. На улице почти никого не было – воскресенье, все покупки местные бюргеры сделали вчера. Двое мотоциклистов лениво просматривали журналы у лотка с прессой. Эрика натянула пуловер, открыла дверь и выскочила из машины, вытаскивая на ходу кожаный плащ. Поправила волосы, сдвинула на макушку очки. Сумка, противно шурша по коже сиденья, сползла на обочину. Эрика ухватилась за единственную лямку и перекинула ее через плечо. Дверь глухо захлопнулась. Она отошла на десяток шагов, обернулась и робко помахала ему рукой. Петр помахал ей в ответ.

В нагрудном кармане запищал мобильный телефон.

– Это Фидлер. У тебя все нормально?

– Да, можно сказать и так.

– Пришло подтверждение от наблюдателей, ее действительно ждет Гессенец.

– Тут действительно припаркован черный «Волк» HLH-9971-18. И что теперь?

– Сворачиваемся. Физкультурная команда Карелина уже в пути. Третьей фазы не будет; единственное, что утешает – он готов оплатить все, что планировалось… Погоди, почему она стоит?

– Кто?

Петр огляделся вокруг. На другой стороне не слишком широкой улицы стояла Эрика и внимательно смотрела на борт «Ирокеза».

Он положил руку на рычаг коробки передач и двинулся с места.

Ветер стих. Солнце, пройдя высшую точку, начало заваливаться на запад.

Их перехватили на трассе через полтора часа после того, как он расстался с ней на перекрестке. Ребята передали в офис запись. Грубая работа. Это был последний контейнер, и Карелин решил не устраивать сложных многоходовых операций. Гессенец действительно собирался сделать цифровую копию ДНК. Рабочие файлы вместе с компьютером отобрали, а немца послали подальше сразу же после того, как вытащили Эрику из Beowolf'a. Содержимое термоса Карелин самолично вытряхнул на асфальт.

Пока Василий высказывал ей все, о чем размышлял последние полгода, она дожевывала остатки чипсов, сидя на капоте одного из карелинских джипов. Распотрошенный вещмешок лежал рядом, на дороге. Ее не раз ловили оперативники из киберполиции, юная хакерша знала всю процедуру наизусть и всегда носила с собой сумму, требующуюся для уплаты штрафа. Но сейчас ее спокойствие было не таким, какое бывает у опытного нарушителя со стажем, подписывающего протокол в участке. Это было спокойствие игрока, уставшего от затянувшегося матча в серии плей-офф. Время игры вышло. Прозвучал финальный свисток, и счет был не в ее пользу. Пришло время для того, чтобы обдумать ошибки, заново оценить возможности соперника и определить новые цели.

Не обращая внимания на бушующего брата, Эрика соскочила с капота, подняла лежавший вещмешок и пошла в сторону от трех машин, стоявших на обочине. Скомканный пустой кулек полетел под широкие колеса джипа.

«Ты знаешь, что самое интересное во всем этом? В том, что все равно, выиграл ты или проиграл. Это второстепенные детали декораций. Боль от того, что по тебе проехало что-то очень большое, пройдет. Боль всегда проходит. Тут нет ничего страшного, у каждого из нас на спине свой след колеи. Куш, если ты и сорвал его, рано или поздно уйдет в песок. Но вот… далеко не у каждого остается тот опыт, который убивает невежество относительно своей персоны, отучает от привычки плевать против ветра, доверять дуракам, синоптикам, политикам. Вот главное. Не в том, что ты выиграл или проиграл. А в том, понял ли ты чем ты стал после всего этого».

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

04.10.2005